

Библиотеки и чтение в женских институтах Мариинского ведомства (XVIII — начало XX в.)

Начало системе женского образования в России было положено в 1764 г. Екатериной Великой, основавшей первый институт благородных девиц. Задачей институтского образования была подготовка будущих воспитательниц — просвещенных матерей, гувернанток, учительниц. В статье впервые показано, как в институтах — раньше, чем в других учебных заведениях, целенаправленно повышался статус чтения: комплектовались библиотеки, выписывались журналы, разрабатывались списки учебной и художественной литературы. В России чтение как форма интеллектуального досуга, книга как средство самообразования прочно входили в культуру повседневности, в том числе благодаря институткам.

Ключевые слова: библиотека, книга, культура чтения, женское образование, Мариинское ведомство, государственный патернализм, трансляция культуры.

Варвара Витальевна Пономарева,
старший научный сотрудник
исторического факультета
Московского
государственного
университета
им. М.В. Ломоносова,
кандидат исторических
наук

В 1764 г. приказом императрицы Екатерины Великой был основан первый женский институт — Императорское воспитательное общество благородных девиц (Смольный), что положило начало системе среднего женского образования в России. С конца XVIII в. дело Екатерины II продолжила императрица Мария Федоровна. Во многом благодаря ее трудам открывались все новые школы, предназначенные, прежде всего, для сирот, полусирот и детей «недостаточных родителей». В 1828 г. для управления ее обширной «империей», в которую входили также различные благотворительные заведения, был создан особый орган, получивший со временем название «Ведомство учреждений императрицы Марии» (Мариинское ведомство). Традиционно первое место среди всех Мариинских заведений

занимали именно женские институты, которые пользовались особым покровительством императорской фамилии, что определило их исключительное положение. В течение ста лет институты служили образцом для устройства других женских учебных заведений Российской империи. К началу XX в. насчитывалось более 30 институтов по всей территории страны — от Иркутска до Тифлиса и Варшавы, и обучение в них проходили около 10 тыс. воспитанниц.

Устав Смольного (1764) предписывал, что учителя в своих ученицах должны были «возбуждать охоту к чтению книг, как для собственного их увеселения, так и для происходящей от того пользы. Для сего... надлежит неотменно завести библиотеку с рассудительным выбором книг» [21, п. 5, 11]. Хотя это требование оставалось во многом декларацией, идеал был заявлен.

Сначала библиотеки институтов пополнялись, как замечает один автор, «крайне бедно, без всякого плана и совершенно случайно»: например, поступало сразу несколько экземпляров «Параши, дочери сельского священника», «Заметок и воспоминаний русской путешественницы по России», а также книги «Есть ли где конец света?» [10, с. 74]. Приведенные названия книг говорят скорее о стремлении ввести институток в повседневный контекст современной жизни. Круг чтения институток зависел от старших наставников, от уровня их образованности и понимания ими значения литературы в образовании и воспитании.

Изоляция институток не мешала им быть в курсе литературных новинок. Смолянка 1830-х гг. вспоминала, как классная дама читала им во время летних каникул проникнутый патриотическим духом роман «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831) [1, с. 15]. Фрейлина А.О. Смирнова-Россет рассказывала А.С. Пушкину об уроках словесности в Екатерининском институте в Петербурге: «Плетнев нам читал вашего “Евгения Онегина”, мы были в восторге...» [19, с. 127]. Наталья Грот (жена Я.К. Грота и сестра П.П. Семенова-Тян-Шанского) вспоминала: «Наша детская литература тогда была еще очень бедна, а иностранных книг в нашей библиотеке не было». Родители также не заботились о чтении детей: «привозя им целые горы лакомств, они почти никогда не думали привезти им какое-нибудь полезное чтение или умную игру...» [5, с. 76]. Однако ее воспоминания были написаны в эпоху, когда чтение стало для русской публики (а осо-

бенно — для образованной женщины) не просто привычным — необходимым занятием, а русская культура получила выраженный литературоцентричный характер. Подобный взлет был бы невозможен без культурной работы предыдущих поколений, в том числе и без воспитания в стенах женских институтов образованных матерей, гувернанток, учительниц.

Традиционной наградой за успехи в учении являлась книга. Одной из книг, которые рекомендовалось вручать отличившимся ученицам, была «История государства Российского» Н.М. Карамзина. Очевидно, что подобный выбор был неслучаен: апеллируя к разуму учащегося, он воспитывал патриотизм, уважение к своей государственности.

В 1855 г. был выработан единый устав женских учебных заведений, в котором предписывалось дополнять уроки «чтением назидательных книг» [22, гл. 1, § 105]. В прежнем уставе Смольного необходимость чтения была скорее декларацией, теперь оно становилось обязательным и регламентировалось более подробно. В каждом институте должна была быть библиотека с «лучшими сочинениями как на русском, так

Императрица Мария Федоровна (1759—1828). Гравюра Ф. Меркина по рис. Ж.Л. Вуаля. Конец XVIII в.

и на иностранных языках». В свободное время институтки должны были читать «одобренные начальством книги, для большего обогащения себя сведениями и для развития умственных своих способностей; но в сем случае требуется особенная осмотрительность, дабы воспитанницы не могли черпнуть из чтения чего-нибудь излишнего или даже вредного» [Там же, § 112]. Таким образом, устав прямо указывал на необходимость культивирования чтения во всех институтах.

Из отчета о состоянии библиотеки одного из московских женских институтов узнаем, что в 1856 г. было приобретено 395 учебных книг, «ландкарты» (географические карты) и 15 «сочинений» (художественная литература). Библиотека для чтения в это время состояла из 482 названий книг, среди них были и самые современные. Например, три экземпляра книги «Северный полюс и арктические открытия (С картой новейших открытий на Севере)» (СПб., 1856) П.М. Новосильского, подаренные самим автором [10, с. 99]. Интерес к чтению был разбужен, институтки теперь сами старались раздобыть книги: «...не говоря уже о Гоголе и Пушкине, которыми мы могли пользоваться в институтской библиотеке, мы доставали критические статьи Белинского и Добролюбова, печатавшиеся в “Современнике”», — вспоминала одна из них [6, с. 118].

В институтах нередко был лучший выбор для

чтения, чем в провинциальной глуши. Институтка из повести Н.С. Лескова «Некуда» (1864) жалуется: «Мы в институте доставали разные русские журналы и все читали, а здесь ничего нет... Мы все доставали в институте: и “Отечественные записки”, и “Современник”, и “Русский вестник”, и “Библиотеку”, все, все журналы. Я просила папу выписать мне хоть один теперь, — мамаша не хочет».

В конце 1850-х — начале 1860-х гг. библиотеки институтов комплектуются более активно, закупаются новые журналы, книги и учебные пособия, для этого выделяются средства. Централизованно приобретались современные издания, считавшиеся необходимыми для чтения институток старших классов. Среди них — «Призвание женщины и ее воспитание» Л. Бюхнер (СПб., 1857), «Детский мир» К.Д. Ушинского (СПб., 1861). Институты по распоряжению главного совета Ведомства подписывались на современные журналы: «Подснежник», «Семейные вечера», «Рассвет», «Вестник естественных наук».

Смольный монастырь. Конец XIX в. Гравюра (неизв. худ.)

В журнале «Рассвет» институтки читали, что «современное общество ждет, что русская женщина... должна вникнуть в современные идеи, сочувствовать им и, по возможности, принимать участие в общем движении вперед» [14, т. I, с. II]. Во многом утопический пафос подобных публикаций был вызван общей атмосферой эпохи Великих реформ. Писатель А.М. Скабичевский вспоминал как, посещая сестру в институте, он «без усталости старался внушать самые передовые идеи, в то же время снабжал ее запрет-

ными в институте книгами, которые она должна была прочитывать тайком от институтского начальства» [18, с. 146] (впоследствии А.М. Скабичевский преподавал русский язык в Смольном). Книжки, не разрешенные начальством, институтки называли «подземной библиотекой».

Эпоха великих реформ принесла немало волнений институтскому начальству: в периодической печати обсуждалось множество прежде запретных тем, а регламентация чтения превращалась в фикцию после введения в институтах каникулярных отпусков (1860). Обсуждая эту проблему, начальство Мариинского ведомства пришло к выводу, что «лучшею мерою предостережения девиц навсегда от вредного влияния дурных книг... могло бы быть... развитие в воспитанницах чуткости нравственного чувства, природного здравого смысла и способности отличить истинное от ложного» [11, с. 263]. Однако этой меры оказывалось недостаточно, и в институты рассылались циркуляры о запрещенных книгах. Например, «Библиотека для чтения: сборник рассказов, стихотворений и популярных статей для детей всех возрастов», изданная Е.О. Лихачевой и А.И. Сувориной (1866), авторами которой были А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, Н.А. Некрасов. В число запрещенных «Библиотека для чтения» попала из-за «свойственного этим писателям направления... враждебного сопоставления высших и низших сословий, богатых и бедных классов» и т. п. [16, л. 1—2 об.]. Скандал в Мариинском ведомстве вызвала публикация в газете «Русский мир» (№ 123 от 14 мая 1873 г.), автор которой рассказал о книге, послужившей наградой институтке «за благонравие и отличные успехи в науках». Это было «Полное собрание стихотворений Н.М. Языкова», снабженное соответствующей торжественной надписью. На страницах книги то и дело мелькали строки, полные «упоительных образов и мечтаний»: «пылкие лобзанья», «полные перси» и др. Ведомство разослало циркуляр с требова-

нием впредь «руководствоваться самым тщательным выбором книг для подарков воспитанницам» [17, л. 1—1 об.].

С 1862 г. в каждом институте было предписано устраивать две библиотеки — одну для «старших», классных дам и учителей, другую — для воспитанниц. Причем, как подчеркивалось в документе, учебный комитет Мариинского ведомства считал «рациональное устройство и постоянное пополнение библиотек одним из существенных условий для успешного образования воспитанниц». Заниматься составлением списков необходимых для библиотек книг должны были инспекторы классов совместно с учителями. Это распоряжение подчеркивало растущую роль преподавателей в институтах в те годы. Однако не все начальницы институтов были готовы поступить даже толикой своей прежней почти неограниченной власти. Так, начальница Саратовского института Л.К. Эрнст, сочтя необходимым составить такой список собственноручно, ограничивала чтение своих подопечных А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, И.А. Крыловым, Н.В. Гоголем и А.С. Грибоедовым. Большую часть списка составляли французские авторы (П. Корнель, Ж. Расин, Ж.-Б. Мольер и др.). Однако инициатива г-жи Эрнст не получила поддержки Главного совета Ведомства. Ей было повторно указано, что списки необходимых книг «должны составлять инспектора с привлечением учителей» [15, л. 4—8]. Многие в учебном заведении зависело от личности «старших». Как вспоминала институтка, с появлением талантливого учителя, блестящая речь и художественная декламация которого поразили воспитанниц, началось увлечение книгой: «Мы зачитывались Тургеневым, Л. Толстым, Гончаровым, Данилевским, Белинским, проливали слезы над романом Маркевича “Четверть века назад” и над хроникой Соловьева, смеялись до слез, когда учитель читал Островского» [7, с. 55].

Во второй половине XIX в. инспектора внимательно следили за книжными новинками. В архиве тамбовского института сохранился счет за 1868 г. от местного книготорговца, доставившего книги по заказу института для наград лучшим ученицам [2, л. 89—89 об.]. Помимо художественной литературы, значительную часть заказанного составляли книги, посвященные естественно-научным знаниям, что соответствовало духу времени (прежде всего, популярный в те годы А.Э. Брем), а также о путешествиях и этнографии. Кроме нескольких изданий по отечествоведению, в списке значились книги, открывавшие институткам весь мир: например, «Сборник рассказов из путешествий и быта народов» Т. Дилитца (1868), «Чудеса древней страны пирамид: географические, исторические и бытовые картины древнего Египта в период его процветания и упадка» К. Оппеля (1868), а также сочинения М. Рида, переводы романов которого

на русский язык начали появляться. Как только в 1867 г. была издана на русском языке книга Д. Ливингстона «Путешествие по Замбези и ее притокам и открытие озер Ширва и Ниасса» (т. 1—2), она тут же была выписана институтом. Таким образом, выбор книг был разнообразным, современным и хорошо продуманным.

Обязательные отчисления на пополнение библиотек принесли хорошие результаты. Так, в Тамбовском институте в 1849 г. насчитывалось всего девять книг для чтения, а в 1861 г. — уже 490 томов и, сверх того, 1250 учебных пособий [9, с. 89—90]. Библиотека Саратовского института, состоявшая в 1855 г. из 29 наименований (185 томов) книг, к 1916 г. насчитывала уже 3729 наименований в 8315 томах, при этом располагала каталогами — систематическим, хронологическим и карточным [20, с. 81—82].

В институтах комплектовались особые музыкальные библиотеки, поскольку музыкальному образованию здесь придавалось важное значение. Так, музыкальная библиотека Московского училища ордена св. Екатерины в начале XX в. насчитывала шесть тысяч томов [10, с. 358—359].

Немногие учебные заведения страны обладали такими возможностями, как привилегированные Мариинские институты. Исследовательница женских епархиальных училищ О.Д. Попова отмечает, что «самостоятельное чтение в первых учебных заведениях для дочерей духовенства было развито весьма слабо. Одна из причин... у девочек практически не было свободного времени для чтения. Вторая причина — дороговизна книг и скудость бюджета этих учебных заведений» [13, с. 63].

Новый устав женских институтов 1884 г. четко регламентировал материальное обеспечение библиотек: на учебные пособия выделялось по 10 руб. на каждую воспитанницу, из них 40% следовало тратить на письменные принадлежности, книги для наград и др. [11, гл. IV, п. 166]. Эта мера сказалась самым лучшим образом на пополнении библиотечных фондов. Институты выписывали различные журналы, в том числе и на иностранных языках. Так, Совет Тамбовского института выписал на 1892 г. «Вестник Европы», «Детский отдых», «Детское чтение», «Женское образование», «Задуманное слово для детей старшего возраста», «Исторический вестник», «Мир Божий», «Московские ведомости», «Ниву», «Новое время», «Русскую старину», «Свет», «Семейные вечера», «Царь-Колокол» и пять журналов на иностранных языках [3, л. 5]. Спустя несколько лет институт расширил подписку, дополнив ее еще несколькими журналами [4, л. 3]. Институтские библиотеки традиционно пополнялись «ревнителями просвещения». Так, Дворянский институт в Москве постоянно получал в дар книги для своей библиотеки — их преподносили родители воспитанниц, благотворители, учителя, авторы [12, л. 38 об.].

В начале XX в. в Смольном было решено посвящать один день «самостоятельному чтению» институток, предоставляя «полную свободу в выборе книг для чтения из классных библиотек, так как только при таких условиях может явиться интерес к самостоятельному чтению и результаты могут быть плодотворными» [23, с. 544]. Подобно университетским студентам, институтки получали академическую свободу в выборе чтения, располагая специально отведенным для чтения временем.

Неудивительно, что среди институток было немало людей, профессионально связанных с книгой: писательницы, переводчицы, профессиональные библиотекари. Так, М.А. Гаевская, закончившая Иркутский институт в Сибири (1855), в течение 30 лет управляла публичной библиотекой, «лучшим в Иркутске и вообще в Восточной Сибири книгохранилищем» [8, с. 82]. Другая выпускница Иркутского института А.А. Белозерова уже в советское время возглавила читальный зал Иркутского университета (1919), а бессменный библиотекарь Бестужевских женских курсов Е.В. Балобанова, воспитанница Нижегородского института, явилась автором первого на русском языке учебного пособия по библиотечному делу (Библиотечное дело. СПб., 1901).

Список источников

1. *Быкова В.П.* Записки старой смолянки / В.П. Быкова. — Ч. 1. — СПб., 1898. — 460 с.
2. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 118. Оп. 22. Д. 8.
3. ГАТО. Ф. 118. Оп. 44. Д. 23.
4. ГАТО. Ф. 118. Оп. 46. Д. 22.
5. *Грот Н.П.* Из семейной хроники / Н.П. Грот. — СПб., 1900. — 381 с.
6. *Жуковская Е.И.* Воспоминания / Е.И. Жуковская. — М., 2001. — 317 с.
7. *Заведеева О.П.* Когда я была институткою / О.П. Заведеева. — СПб.; М., 1911. — 75 с.
8. Исторический очерк деятельности Иркутского института императора Николая I. 1845—1895. — Иркутск, 1896. — 98 с.
9. Исторический очерк по тамбовскому Александринскому институту благородных девиц. 1843—1893 // Тамбовская ученая архивная комиссия. — Тамбов, 1893. — Вып. 38. — 102 с.
10. Московское училище ордена св. Екатерины. 1803—1903. — М., 1903. — 560 с.
11. Общий устав Ведомства учреждений императрицы Марии. — СПб., 1884. — 352 с.
12. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 310. Ед. хр. 143.
13. *Попова О.Д.* Книжная полка епархиалки: читательские интересы дочерей духовенства (вторая половина XIX в.) // Библиотековедение. — 2008. — № 6. — С. 61—66.
14. Рассвет. Журнал наук, искусств и литературы для девиц. — СПб., 1859. — Т. I. — 632 с.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 759. Оп. 22. Д. 533.
16. РГИА. Ф. 759. Оп. 22. Д. 1508.
17. РГИА. Ф. 759. Оп. 22. Д. 2025.
18. *Скабичевский А.М.* Литературные воспоминания / А.М. Скабичевский. — М., 2001. — 430 с.
19. *Смирнова-Россет А.О.* Воспоминания. Дневник. — М., 1989. — 789 с.
20. *Теодорович Н.И.* История саратовского Мариинского института благородных девиц. 1854—1916 / Н.И. Теодорович. — Саратов, 1916 / А.О. Смирнова-Россет. — 254 с.
21. Устав воспитания двухсот благородных девиц... — СПб., 1764. — 20 с.
22. Устав женских учебных заведений учреждений имп. Марии, высочайше утвержденный 30 августа 1855 г. — СПб., 1855. — 346 с.
23. Циркуляры по Ведомству учреждений императрицы Марии за 1890—1905 гг. — СПб., 1906. — 722 с.

Контактные данные:
e-mail: varvarapon@mail.ru